
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 316.334.3

ББК 60.561.3

DOI 10.22394/1682-2358-2017-4-74-84

L.S. Yakovlev, Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SOCIAL POLICY OR SOCIAL MANAGEMENT: EPISTEMOLOGICAL MEANINGS OF TERMS SIGNIFICATIONS RATIO SPECIFICATION

A distinction is drawn between the content of concepts of social policy and social management. The limitations of the possibilities of social policy as an operation of sets of established relations are revealed. Understanding social policy as a macro-system function of society aimed at preserving and developing identity, adaptability, and effectiveness of the system as a whole is proposed.

Key words and word-combinations: social policy, social management, social change, social adaptation, colonization of the future.

Л.С. Яковлев, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: lionel1801@gmail.com)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ СОЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ УТОЧНЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ТЕРМИНОВ

Аннотация. Проводится разграничение содержания понятий социальной политики и социального менеджмента. Выявляется ограниченность возможностей социальной политики как оперирования наборами сложившихся отношений. Предлагается понимание социальной политики в качестве макросистемной функции общества, направленной на сохранение и развитие идентичности, адаптивности, эффективности системы в целом.

Ключевые слова и словосочетания: социальная политика, социальный менеджмент, социальное изменение, социальная адаптация, колонизация будущего.

В научной литературе преобладают определения социального менеджмента, в которых «социальный» используется для

указания на подраздел общей теории менеджмента; при этом речь идет, собственно, об организациях. Подобную точку зрения разделяют А.В. Неверов, Ю.А. Афонин, С.Д. Ильенкова, В.И. Кузнецов. Иногда эти понятия употребляются как почти синонимичные [1], разграничение оказывается достаточно тонким.

Оригинальный подход реализует А.И. Горячев, выводящий смысл понятия «социальный менеджмент» из представления о его субъекте как неполновластном, принужденном следовать интересам нанявших его действительных хозяев, причем подразумевается не отдельное предприятие, а страна в целом. А.И. Горячев противопоставляет полномочное социальное управление менеджменту, не вдаваясь в вопросы о целях и инструментах такого управления [2].

Примечательными представляются публикации О.И. Сандыги, обращающейся к социальным изменениям как среде менеджмента, но ограничивающейся указаниями на роль самоорганизации [3].

О.А. Немова выдвигает тезис о том, что «основой социальной политики современного российского государства должна стать парадигма социального менеджмента, то есть построения взаимовыгодных партнерских отношений между государством и обществом», однако обосновывает его на материалах только семейной политики и, на наш взгляд, приходит к утопическим выводам, вплоть до утверждения, что «приоритетной должна стать “мобилизационная” модель взаимодействия семьи и государства, при которой оба они выступают как деловые партнеры, на равных, без обмана и без попыток “урезать”, “экономить”, отнять в одном месте, чтобы прибавить в другом. Считаем необходимым предоставить домохозяйству статус экономической организации и нового субъекта собственности, чтобы семья могла перейти на договорные отношения с государством, как любая обычная организация, фирма, общество с ограниченной ответственностью — с соответствующим финансово-правовым, технико-технологическим производственным сопровождением» [4].

Столь объемная цитата приведена дословно, дабы избежать подозрений в неточном изложении этой странной позиции. Критиковать ее по существу нет нужды, в данном случае интересует другое: обстоятельства возникновения такого рода иллюзий. О.А. Немова, безусловно, права в своей исходной посылке, связанной со стремлением отойти от патерналистских интерпретаций социальной политики, но при этом, не говоря уже о трактовке семьи в духе утопий XVI столетия, происходит сужение понятия менеджмента, сводимого исключительно к экономическим отношениям.

Вполне нецелесообразными представляются попытки конструирования терминологических излишеств, связанных с размежеванием понятий «менеджмент» и «управление». Имеется в виду всего лишь перевод. Английское слово «to manage» употребляется в той же совокупности значений, что и «управлять» в русском. «Manager» и есть именно «управляющий», но при этом в слове «management» нет неперемного указания на процедуру найма, оно вполне может описывать и деятельность полноправного собственника. Просто в современной литературе управление чаще всего рассматривается как специализированная профессиональная деятельность.

Суть различий понятий в другом. Политика не уже менеджмента, она есть иное отношение. Политика начинается там, где кончаются возможности прямого управления. Абсолютный монарх по отношению к своим «холопам», как именовал подданных Иван Грозный, политики не проводит; как только эти отношения называют политикой, значит, речь идет о ликвидации абсолютизма. На международной арене те же абсолютные монархи всегда занимались именно политикой, то есть искусством возможного, поскольку имели дело с самостоятельными субъектами.

Разумеется, речь идет о конвенциональных понятиях, но, исходя из норм русского языка, социальный менеджмент следует трактовать как управление социальными отношениями или управление, использующее воздействие на эти отношения в качестве ключевого инструмента достижения каких-либо целей. В практическом смысле, впрочем, обе эти возможных стратегии будут иметь близкие по смыслу эффекты, поскольку институциональные, структурные, идеологические изменения не являются самоцелью. С позиций социального менеджмента общество понимается как сложная, инерционная, обладающая внутренней логикой, но конструируемая система.

Социальная политика также есть действия в отношении некоторых субъектов, понимаемых, как обладающие наборами устойчивых характеристик. Так, безработица является ее объектом, потому что безработные обладают субъектностью, то есть определенной позицией на рынке труда. Теоретически перспективным результатом социальной политики может стать кардинальное изменение объекта, но, как правило, этого не происходит. В СССР например, ставилась, задача обеспечения всеобщей занятости, что предполагало исчезновение безработицы как объекта социальной политики, но сам этот термин не использовался до самого последнего периода существования СССР — того времени, когда его руководство стало осознавать, что ограничено в возможностях произвольно менять социальную реальность, и начало учиться искусству возможного.

В настоящее время социальная политика интерпретируется как очевидное поле приложения усилий государства и на федеральном, и на муниципальном уровнях [5], во взаимодействии с предприятиями [6] и общественными организациями [7], как область бюджетного финансирования [8]. Для российской науки термин «социальная политика» перестал быть чужеродным и в определенном смысле стал одним из базовых, маркируя ориентацию на конкретный способ интерпретации реальности. Способ этот органически связан с интегрированной в Конституцию РФ доктриной социального государства. Признание придерживающимися его авторами значимости негосударственных форм социальной политики не меняет сути подхода. При всем богатстве содержания социальной политики ее ключевые смыслы связаны с перераспределением некоторой части общественного продукта, в центре внимания неизбежно оказывается вопрос о субъекте такого перераспределения. Потенциальный список субъектов ограничивается непосредственными собственниками перераспределяемых благ (в этом случае имеется в виду благотворительность) и собственно государством. Конечно, может идти речь еще о различных обще-

ственных фондах, но они, по сути, оказываются лишь представителями одного из двух выделенных субъектов.

Разница между ними состоит лишь в том, что государство, по крайней мере формально, должно представлять общество в целом, в то время как частная благотворительность есть проявление социальной позиции отдельных лиц. При этом следует подчеркнуть, что представление о государстве как выразителе интересов общества в целом есть абстрактная модель, во многих описаниях современных обществ с реальностью не соотносящаяся. Собственно, доктрина «государства всеобщего благоденствия» возникла во многом в противовес марксизму и, в частности, тезису о государстве как орудии классового господства. Этот тезис плохо соотносится с современными государственными образованиями хотя бы в силу изменений в социальной структуре современных обществ, но из этого не следует автоматически, что «управляемые демократии» начала XXI в. действительно адекватно выражают интересы общества в целом.

Затруднительно это и потому, что размывание традиционных классов не привело к исчезновению социальных противоречий. Разумеется, институции публичной власти используются для разрешения этих противоречий. Отсюда популярность построенных на весьма различных методологических принципах, от классических либеральных до неоконсервативных, описаний современного государства как инструмента господства элит [9]. Однако объяснительный потенциал элитологии различен применительно к сфере политологии и исследований социальной политики. Природу формирования власти он объясняет более эффективно, нежели стратегии этой власти.

При описании социальной политики с точки зрения государства возникают же проблемы, что и при осмыслении ее с позиции теории или концепции, предлагаемой субъектом частной благотворительности: встает задача осмысления целей, стратегий, технологий. Конечно, в узком смысле, говоря о действиях государства, ориентированных на сохранение стабильности в короткой перспективе, можно эту проблематику игнорировать, но такой подход как в теории, так и на практике, чреват не только кризисами смыслов, но и кризисами социально-экономическими, политическими.

Продуктивным представляется понимание социальной политики как макросистемной функции общества. Эта функция направлена на сохранение и развитие идентичности, адаптивности, эффективности системы в целом. При этом интересы целого вполне могут приходить в противоречие с интересами элементов системы. Легендарные 96-процентные налоги эпохи Джона Кеннеди в США могут служить одним из классических примеров. Естественно, когда говорится о перераспределении доли общественного продукта в пользу неимущих, имеется в виду не государство как инструмент классового господства, по К. Марксу, которое ничего, кроме революций, породить не может. Другой вопрос, в какой мере общество в целом заинтересовано в перераспределении в пользу бедных.

Критика государства всеобщего благоденствия, при всей ее ангажированности и направленности на защиту интересов олигархии, некоторый здравый смысл в своей основе имела: еще в античную эпоху было продемонстрировано,

как механическое перераспределение благ не просто создает паразитический слой, но разрушает социальные структуры и институты. В XX столетии эти закономерности проявились не менее явно. При этом особенно губительно и быстро действуют программы, не являющиеся адресными, а изначально ориентированные на крупные социальные группы (граждан титульной нации, мигрантов, то есть выделяемые по любым признакам меньшинства). Собственно, тут работает механизм, вскрытый еще революцией 1789 г.: социальные привилегии любого типа разрушают общество.

Собственно, во всех моделях социальной политики артикулируется необходимость сочетания социальной защиты населения с ориентацией на поддержку социальной адаптации. При этом, однако, встает вопрос о направленности этой адаптации. Общество меняется, поэтому необходимым условием эффективной поддержки социальной адаптации является наличие у субъектов такой поддержки образов будущего. В связи с этим принципиальное значение приобретает проблема мотиваций. По сути, социальная политика оказывается формой колонизации будущего, а следовательно, инструментом власти. Обществу же не может быть безразлично, каким это будущее представляется тем, кто его посредством реализации своей модели социальной политики выстраивает.

Субъект социального действия может руководствоваться личной выгодой — как непосредственной, так и отложенной, адекватно или ложно понимаемой, а также убеждениями. отождествлять их с отложенной выгодой не всегда верно. Люди могут руководствоваться соображениями, не являющимися рациональными в узком смысле. Так, демонстративное потребление, по Т. Веблену, представляет собой один из примеров социального поведения, не обладающего качеством непосредственной рациональности: оно обретает смысл в перспективе, будучи инструментом поддержания статуса, который, в свою очередь, служит инструментом приобретения и сохранения различных благ, причем субъект далеко не всегда непосредственно рефлексивирует данную цепочку соображений.

Приверженность определенному набору убеждений также может служить средством приобретения и сохранения статуса, причем рефлексивируемым иллюзорно на всем протяжении действия. Так, протестанты в Англии эпохи Марии Кровавой от приверженности своим убеждениям никакой прямой выгоды не обретали, напротив, рисковали имуществом, свободой, жизнью. Но в перспективе просматривалось формирование новой социокультурной общности, в которой их (или их последователей, преемников) статус оказывался предпочтительнее, нежели в католической. Однако абсолютное большинство этих людей подобным образом не мыслило вообще; они просто были уверены, что готовы умереть за истинную веру.

Благотворительность вовсе не обязательно должна приносить непосредственные выгоды, и представления, согласно которым она возможна лишь в условиях гарантирования благотворителям налоговых льгот, искажает ситуацию. Английские и американские квакеры конца XVIII — начала XIX в., в большинстве своем прилагали немалые усилия для освобождения рабов-афро-

американцев не потому, что трезво рассчитывали более эффективно использовать труд по найму свободных людей на своих предприятиях, а потому, что полагали рабство противоречащим заповедям Христа, искажающим облик окружающего мира. То, что часто интерпретируется как лицемерие благотворительности викторианской эпохи, на самом деле еще хуже, чем лицемерие. Эти «попечители заблудших» искренне полагали, будто их собственный социальный успех возлагает на них обязанность указать беднякам, сиротам, «падшим» девушкам «верный путь», состоящий для социальных низов в том, чтобы «знать свое место», не за страх, а за совесть работать всю жизнь без просвета и надежды на благо богатых, уповая на воздаяние в мире ином.

С другой стороны, тысячи людей, среди которых Генри Форд и Томаш Батя лишь наиболее известные, но не единственные, полагали некоторые формы социальной справедливости жизненно необходимыми для существования общества, а следовательно, и своего бизнеса. На самом деле именно это, а не готовность вложить деньги, «куда укажут», и является социальной ответственностью. Об этом говорит и основатель Alibaba-Group Джек Ма в своем интервью в Давосе: «Если у тебя есть миллион долларов, это твои деньги... Когда у тебя появляется миллиард, знай, что это не твои деньги. Это выраженное доверие общества. Люди вокруг тебя считают, что ты сможешь распорядиться этими деньгами лучше, чем они или правительство» [10].

Разумеется, такое понимание социальной ответственности выводит порождаемую ею деятельность за рамки социальной политики даже в самом широком смысле этого понятия. Здесь совершенно естественно возникает понятие социального менеджмента. В полемике начала XX в. радикального марксизма с «соглашательской» (в терминологии В.И. Ленина) социал-демократией был смысл. Частичные изменения положения пролетариата сами по себе проблемы, порожденные его эксплуатацией, не снимали. Социал-демократия была права в том смысле, что постепенно проводимые реформы способствовали изменению и самого пролетариата, и общества посредством технологических революций и демократизации устранившего грубые формы эксплуатации. Радикальный марксизм полагал решить, по сути, те же задачи посредством социальной революции. По факту, разница только в выборе между революционным и эволюционным путями изменений. Но значительная часть социал-демократов полагала, что они действительно отстаивают всего лишь право пролетариев на лучшие условия продажи своей рабочей силы. Точно так же стратегии социальной политики, корректирующие последствия, но не устраняющие причин социальной депривации, бесперспективны.

Именно поэтому социальная политика всегда в той или иной степени представляет собой колонизацию будущего. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с дополнениями от 3 июля 2016 г. № 277-ФЗ) различает понятия целеполагания («определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности»), прогнозирования («деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-эконо-

мического развития, об угрозах национальной безопасности... направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития»), планирования («деятельность... по разработке и реализации основных направлений деятельности Правительства... федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности»), программирования («деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации государственных и муниципальных программ, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности... содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания»). Здесь закреплено представление об иерархической системе «строительства» будущего, в методологическом плане адекватное представлению эпохи Просвещения о будущем как прямом результате рациональной деятельности [11]. «А чем в сущности... является марксизм... за всем этим стоит убеждение эпохи Просвещения, что всемогущий разум в конце концов одолеет невежество», — писал А. Ципко [12].

Исходным пунктом представленной иерархии является именно целеполагание, то есть именно конструирование желаемой реальности, а не движение от анализа тенденций к попыткам их коррекции. Безусловно, такая позиция звучна не только классической камералистике, но и представлениям советской эпохи как о планировании, так и о социальной политике. В СССР не только объемы и размещение промышленного производства, но и социальная структура полагались вполне доступными управлению. Согласно одной из доктрин, индустриализация (как в масштабах страны в целом, так и применительно к отдельным регионам) помимо прямого экономического эффекта должна была обеспечивать рост рабочего класса как социальной базы советской власти.

Здесь возникает фундаментальное противоречие в интерпретации советского наследия для тех, кто пытается это наследие адаптировать к современным реалиям. С одной стороны, если верной была исходная, «просвещенческая», посылка советского проекта, то история его реализации доказывает несостоятельность образа желаемого будущего: по мере осуществления стали выявляться его внутренние противоречия, и система оказалась нежизнеспособной. С другой стороны, если идеал конструировался внутренне непротиворечивый, а осуществить его не удалось вследствие возникших по ходу реализации трудностей, значит, неверна методология, мы не можем создать любое желаемое будущее, а должны лишь корректировать действующие тенденции.

Обозначаемая таким образом дилемма имеет более широкий смысл, нежели только связанный с оценкой возможной степени преемственности с советским прошлым. Нельзя ставить цели исходя из нынешней системы общественных ожиданий, если мы не в состоянии полностью контролировать и направлять тенденции социально-экономических изменений, потому что иначе нельзя гарантировать, что эти самые ожидания не изменятся через некоторое время радикальным образом.

Советский проект, в частности, подразумевал и конструирование ожиданий. «Формирование нового человека» именно эту цель и ставило как ключевую.

чевую. Собственно, отказ от нее, минимизация задач, подмена «преданности делу коммунизма» банальной политической лояльностью и имели следствием деструкцию всей советской системы. Марксизм в изначальном виде логически безупречен. Это теория, описывающая кризис капитализма как эксплуататорского общества, которое должно быть разрушено пролетариатом — классом, лишенным в этом обществе интересов. При этом пролетариат ориентирован именно на разрушение системы, а не смену своего положения в ней, потому что, меняя свой статус, он перестает существовать как класс. Следовательно, пролетарская революция должна была положить начало строительству принципиально нового общества. К. Маркс и Ф. Энгельс определяли это следующим образом: материальные предпосылки коммунизма создаются капитализмом, но сам коммунизм, как общественный строй, в недрах капитализма не вызревает. Считать кибуцы или русскую общину готовыми образцами коммунистических отношений, значит осуществлять ревизию марксизма.

Ревизионистскими, по сути, являются сегодня концепции, авторы которых претендуют на преемственность в отношении советской традиции. Слоган С. Кургияна «до встречи в СССР» может быть трогательным в эмоциональном плане для миллионов людей, еще связывающих с советским прошлым время молодости и надежд [13]. Но в советском опыте нет той точки, на которой можно было бы построить модель жизнеспособного социума, есть только набор разнонаправленных векторов. Ценность этого опыта в том и состоит, что через него реализован самый масштабный в истории социальный эксперимент. Эволюция теории и практики социализма вполне закономерна, но логика ее диктовалась прежде всего изменениями в природе диалога власти и общества. И.В. Сталин может рассматриваться в качестве «успешного менеджера» лишь с учетом очень низкого (в определенной части даже ниже витальных потребностей) уровня ожиданий основной массы населения 1920—1930-х годов.

Сегодня никто из комментаторов не задумывается о подлинном смысле одного из ключевых положений социальной политики той эпохи: практики ежегодного снижения цен. Акцентируется экономический смысл этой меры, ее направленность на артикуляцию важности снижения издержек. Но если посмотреть на нее с точки зрения потребителя, очевиден еще один момент: признание второстепенности задач расширения ассортимента товаров и услуг. Нельзя снизить цену на товар, которого прежде не было в продаже, а если большинство товаров — новые, обсуждение снижения цен теряет актуальность. Но о расширении речи и не шло, в «экономике дефицита» не хватало самого необходимого. Кроме того, снижение издержек в любом случае может быть только временной целью: их даже математически нельзя опустить ниже ноля, а в производственной реальности интервал возможного снижения обычно не слишком велик. «Хрущевский» лозунг максимального удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей трудящихся в сравнении с этим действительно представлял собой возврат к марксизму; другое дело, насколько тогдашнее руководство страны могло и желало его воплотить в жизнь.

В модной сегодня полемике о выборе между либеральной и мобилизационной моделями экономики сознательно игнорируются наиболее существенные обстоятельства «выбора», которого у нас на самом деле нет. Либеральная экономика предполагает в качестве предпринимателей и наемных работников акторов, чье поведение описывается моделью рационального субъекта в пространстве доктрины экономического империализма. Такие люди не составляют в российском обществе необходимой доли (необязательно большинства; но их слишком мало). С другой стороны, мобилизационная экономика тоже предполагает наличие мотиваций у мобилизуемых. Л.Д. Троцкий в свое время не случайно задумывался о принудительном труде: если новый человек с коммунистическими мотивациями еще не сформировался, а товарно-денежные отношения перестают быть всеобъемлющими, стимулов трудовой деятельности для большинства людей как будто нет. И.В. Сталин нашел решение в разрушении традиционного уклада сельской жизни, выбросившем в города массу людей, не имевших собственности и не привыкших надеяться на государственные пособия. Они и стали трудовым ресурсом первых пятилеток.

В современных условиях такого рода мотивации представлены весьма слабо. При этом некорректным является часто используемое противопоставление российского типа социальной солидарности «западному». В странах Европы и Северной Америки «self made man», как социальный тип, за последние полвека утратил значение массового. Обсуждение тезиса о его возрождении как социальной базы «новых правых» не является предметом настоящей статьи, но искусственность представлений о сторонниках Д. Трампа как носителях «традиционной американской идентичности» представляется очевидной [14]. Идентичность не может существовать как константа, она эволюционирует, а использование апелляций к различным формам культурной ностальгии для воздействия на электорат есть лишь один из инструментов политической борьбы. Тем более нет сегодня в развитых странах социальной базы для мобилизационных проектов типа советской индустриализации, японского «имперского пути», германского «нового порядка» или рузвельтовского «Нового курса».

Неэффективность традиционных объяснений создает ситуацию выраженного методологического плюрализма. Насколько широким оказывается его спектр, показывает популярность, например, идей С. Савельева (заведующего лабораторией развития нервной системы Института морфологии человека РАМН), которые ряд критиков называют «мракобесием» [15]. В ряде случаев, выходя за пределы своих профессиональных знаний, он действительно делает некорректные высказывания, но именно сопоставление продуцируемого им нетрадиционного для современного общественно-научного подхода с присутствующими в мейнстриме точками зрения может приводить к интересным выводам. В частности, это касается критики им коммунизма. «Коммунизм как религия... предлагает справедливость на словах, а инструментов для ее воплощения нет» [16], «предложил поменять свою индивидуальность на некий набор правил». При этом конечный аргумент сводится к тому, что люди не равны по природе.

Удивительно при этом то, что сам С. Савельев в целом ряде публичных

выступлений выдвигает тезис о противоречии между социальностью и биологическими в своей основе установками человеческого поведения, в частности установкой на доминирование. Эта установка для всех стадных животных имеет простой и очевидный смысл, будучи ориентированной на создание гарантий для данной особи первоочередного доступа к пище и другим благам в случае их дефицита. Разумеется, именно эта установка и будет преобладать в слабо регулируемом социуме, а требование равенства окажется ее оборотной стороной. С. Савельев в качестве альтернативы полагается лишь на благоразумие творчески мыслящих индивидов, но человеческая история демонстрирует неэффективность такой альтернативы. Социум, чтобы выполнять свои функции, вынужден устанавливать ограничения, отвергаемые в конечном счете большинством его членов. Общественная польза не есть арифметическая или даже алгебраическая сумма индивидуальных выгод.

Иными словами, интересы человечества в целом не могут быть тождественны сумме национальных интересов, согласованных руководством отдельных или всех стран, а интересы России, как любого другого социума, не складываются механически из интересов всех граждан (тем более групп граждан), какими бы способами эти интересы ни выявлялись. Государство обязано формулировать национальные интересы — разумеется, не как тождественные каким-либо узким задачам внешней политики (между тем в современных практиках такая подмена понятий оказывается общепринятым заблуждением, что маскирует отсутствие у правительств ясного представления о перспективных целях, к которым идут их страны).

Речь идет об образе будущего, о согласовании целей, не являющихся суммой индивидуальных стремлений граждан, а означающих расширение поля возможностей для нынешних и последующих поколений. Именно с этим связана ностальгия значительной части российского населения в отношении СССР, отражающая смутное представление о наличии у советского общества некой общей цели. К началу 1980-х годов эта цель была окончательно утрачена, что и послужило действительной причиной распада союза: в августе 1991 г. никто не вышел защищать советскую государственность, потому что государственность не может быть самоцелью, она лишь средство достижения некоторых целей, а отказываясь от их постановки, оказывается никому не нужной. Поэтому сегодня прежде постановки любых задач в сфере экономической, социальной, внешней политики России необходима продуманная система социального менеджмента как средства консолидации общества.

Библиографический список

1. Социальный менеджмент: учебное пособие / Д.В. Зайцев, Г.Г. Карпова, Г.В. Лобачева [и др.]; под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. Саратов, 2008.
2. Горячев А.И. К вопросу о соотношении социального управления и менеджмента // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2014. № 1. С. 13–18.
3. Сандыга О.И. Инновационный потенциал социального развития как контекст современного менеджмента // Правовые, социально-экономические и гуманитарные аспекты организационного развития в сфере образования, науки и бизнеса: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. В.В. Пономарева, Т.А. Куткович. 2016. С. 97–99.

4. *Немова О.А.* Социальный менеджмент как инструмент построения партнерских отношений между государством и обществом // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2014. Т. 1. С. 128–135.
5. *Чиж Л.В.* Социальная политика, проблемы ее реализации и совершенствования на муниципальном уровне // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2016. № 32. С. 187–191.
6. *Сагадатова Л.И.* Внутренняя социальная политика российских компаний // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 5/1 (81). С. 231–233.
7. *Федорова М.Н.* Социально ориентированные некоммерческие организации как субъекты социально-экономической системы: роль в социальной политике // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 5. С. 77–91.
8. *Янковская Ю.В., Меликсетян С.Н.* Оценка расходов федерального бюджета России на социальную политику // Научный альманах. 2017. № 2/1 (28). С. 287–291.
9. *Парето В.* Трансформация демократии. М., 2011.
10. Джек Ма в Давосе избранные цитаты из большого интервью (Антон Трикстер). URL: <https://www.proza.ru/2017/01/13/648>
11. *Хоркхаймер М., Адорно Т.В.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; С-Пб., 1997. С. 16–60.
12. *Ципко А.* Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. М., 2014.
13. До встречи в СССР 2.0! URL: YIRTPOID. livejournal <http://yirtpoid.livejournal.com>
14. *Сонин К.* Отражение Трампа // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/27866437.html>
15. *Бычкова Л.* Герольды мракобесия. Часть II. Профессор Савельев // Рабкор. URL: <http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2014/01/29/savelev/>
16. Сергей Савельев: не вижу никаких шансов у коммунизма. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MPEGFIIM-sU>